

«ЗМЕИНЫЕ» РАСТЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Валерия Борисовна Колосова

Институт лингвистических исследований РАН
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
chakra@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : В статье анализируется группа русских диалектных фитонимов, образованных от слов *змея*, *гад*, *гадюка*, *уж*. Цель статьи — определить мотивационные признаки растений, а также выяснить, с одной стороны, какие растения чаще других ассоциируются со змеями и, с другой стороны — какие фитонимы являются наиболее частотными, а какие, наоборот, редкими или уникальными. Материалом для статьи послужили фитонимы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей различных говоров русского языка и специализированных фитонимических словарей. За единицу анализа принималась пара «фитоним — растение» (всего 176 пар). Географические пометы по возможности давались с точностью до уезда / района; латинские названия растений приводились к единой номенклатуре.

Наиболее частотными признаками, которые послужили основой номинации, являются использование в народной медицине, форма различных органов растений, место обитания растения, ядовитость и цвет. Небольшая часть фитонимов находит объяснение в фольклорных текстах. Из фитонимов значительно чаще других встречается композит *змеиная / змеева трава*; за ним следуют *змеевка* и *змеевик*. Чаще всего ассоциировались со змеями змеевик большой (он же горец змеиный), а также вероника широколистная, пальчатокоренник пятнистый и камыш озерный.

В статье обосновываются преимущества комплексного анализа фитонимов, позволяющего выдвигать гипотезы об идентификации растений. Статья снабжена тремя диаграммами: «Основания номинации “змеиных” растений», «Наиболее частотные фитонимы» и «Растения».

К л ю ч е в ы е с л о в а : этноботаника, этнолингвистика, фитонимы, русские говоры, диалектология, мотивация, признак растения, змея.

Б л а г о д а р н о с т и : Статья написана в рамках плановой темы ИЛИ РАН «Русская сводная диалектная лексикография и лингвогеографические исследования Европейской части РФ».

Д л я с с ы л о к : Колосова В. «Змеиные» растения в русских говорах // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 347–362.

doi : 10.31250/1815-8870-2024-20-62-347-362

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/kolosova.pdf>

“SNAKE” PLANTS IN RUSSIAN DIALECTS

Valeria Kolosova

Institute for Linguistic Studies, RAS
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
chakra@eu.spb.ru

Abstract : The article observes a group of Russian dialect phytonyms formed from the words meaning ‘snake’, ‘grass snake’, and ‘viper’. Its purpose is to analyse the motivational features of the plants and determine the plants most often associated with snakes and the most frequent phytonyms. The lexemes for the analysis were taken from Russian dialect dictionaries and specialised phytonymic dictionaries. The unit of analysis is the “phytonym — plant” pair (176 pairs in total). Where possible, the geographical tags were given at the uезд / district level. Latin scientific names are reduced to a single nomenclature.

The most common plant features from which the names are derived are: use in folk medicine, shape of the plant’s organs, the plant’s habitat, its toxicity, and its colour. A small number of phytonyms are explained by folkloric texts. Among the phytonyms, the composite *zmeinaia / zmeeva trava* is the most common; *zmeevka* and *zmeevik* are the next. Common bistort, broadleaf speedwell, heath spotted-orchid, and lakeshore bulrush are most often associated with the snake.

The article argues the advantages of a comprehensive phytonym analysis. It allows developing hypotheses about plant identification. The article contains three diagrams: “Plants nomination bases”, “The most frequent phytonyms” and “Plants”.

Key words : ethnobotany, ethno linguistics, phytonyms, Russian dialects, dialectology, motivation, plant feature, snake.

A c k n o w l e d g e m e n t s : The article was written within the framework of the planned theme of the ILS RAS “Russian summary dialect lexicography and linguogeographical studies of the European part of the Russian Federation.”

T o c i t e : Kolosova V., “Zmeinye” rasteniya v russkikh govorakh’ [“Snake” Plants in Russian Dialects], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 62, pp. 347–362.

doi : 10.31250/1815-8870-2024-20-62-347-362

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/kolosova.pdf>

Валерия Колосова

«Змеиные» растения в русских говорах

В статье анализируется группа русских диалектных фитонимов, образованных от слов *змея*, *гад*, *гадюка*, *уж*. Цель статьи — определить мотивационные признаки растений, а также выяснить, с одной стороны, какие растения чаще других ассоциируются со змеей и, с другой стороны — какие фитонимы являются наиболее частотными, а какие, наоборот, редкими или уникальными. Материалом для статьи послужили фитонимы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей различных говоров русского языка и специализированных фитонимических словарей. За единицу анализа принималась пара «фитоним — растение» (всего 176 пар). Географические пометы по возможности давались с точностью до уезда / района; латинские названия растений приводились к единой номенклатуре.

Наиболее частотными признаками, которые послужили основой номинации, являются использование в народной медицине, форма различных органов растений, место обитания растения, ядовитость и цвет. Небольшая часть фитонимов находит объяснение в фольклорных текстах. Из фитонимов значительно чаще других встречается композит *змеиная / змеева трава*; за ним следуют *змеевка* и *змеевик*. Чаще всего ассоциировались со змеей змеевик большой (он же горец змеиный), а также вероника широколистная, пальчатокоренник пятнистый и камыш озерный.

В статье обосновываются преимущества комплексного анализа фитонимов, позволяющего выдвигать гипотезы об идентификации растений. Статья снабжена тремя диаграммами: «Основания номинации “змеиных” растений», «Наиболее частотные фитонимы» и «Растения».

Ключевые слова: этноботаника, этнолингвистика, фитонимы, русские говоры, диалектология, мотивация, признак растения, змея.

Названия растений — особая проблема в лексикографии, особенно в диалектной. В толковательной части словарей вместо конкретного фитонима нередко определения вроде «Растение (какое?)», «род травы» или «лекарственное растение». Латинские номенклатурные названия приводятся далеко не всегда, а если они есть, то нередко содержат ошибки или не совпадают с русским названием. В таких случаях сложно определить мотивацию, стоящую за названием растения.

Принципы создания словаря русских диалектных фитонимов, отвечающего современным требованиям, были разработаны не так давно [Коновалова 2000: 12–13]. Специальных диалектных фитонимических словарей с тех пор вышло немного. Наиболее полным является словарь фитонимов Среднего Приобья [Арьянова 2006–2008], содержащий латинские и русские научные названия, диалектные фитонимы, иногда составляющие довольно длинные синонимические ряды, и богатейшую коллекцию словарных иллюстраций. Словарь фитонимов Среднего Урала [Коновалова 2000] ограничен названиями дикорастущих трав. Тематические

Валерия Борисовна Колосова

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
chakra@eu.spb.ru

словари тамбовских говоров [Словарь тамбовских говоров 2002; 2003], включающие в том числе растительную лексику, не содержат латинских параллелей. Тематический словарь вятских говоров был задуман как учебное пособие для школ, гимназий и лицеев, и раздел «Растительный мир» в нем содержит лишь 16 страниц.

В статье анализируется ряд русских диалектных фитонимов, образованных от слов *змея*, *гад*, *гадюка*, *уж*. Отметим, что в диссертации С.Ю. Дубровиной, посвященной отзоонимным названиям растений в русских диалектах, есть раздел о «змеиных» травах. Автор называет эту группу самой большой — более 90 наименований [Дубровина 1991: 12]. Со времени этого исследования опубликовано множество новых диалектных словарей. Нам удалось найти 176 пар «фитоним — растение», увеличив выборку почти вдвое. Цель статьи — проанализировать фитонимы и растения, ими обозначенные, определить их мотивационные признаки (в тех случаях, когда это представляется возможным), а также выяснить, с одной стороны, какие растения чаще других ассоциируются со змеей, и с другой стороны — какие фитонимы являются наиболее частотными, а какие, наоборот, редкими или уникальными.

Наконец, комплексное рассмотрение фитонимов, относящихся к конкретному животному, способствует более точному пониманию его символического образа в традиционной культуре¹.

Материалом для статьи послужили названия растений, извлеченные методом сплошной выборки из словарей различных говоров русского языка, а также из специализированных словарей фитонимов. За единицу анализа принималась пара «фитоним — растение». С учетом синонимии и многозначности диалектной фитонимии одинаковые названия разных растений рассматривались как отдельные единицы анализа, и наоборот. Важное методологическое замечание касается географических помет. Помимо крайне неравномерной изученности диалектов русского языка, часть из них имеет пометы с точностью до деревни, часть — до уезда / района, часть — до губернии / области; наконец, некоторые имеют такие пометы, как «Сибирское», «Западное», «Южное», «Средне-Волжское», «Уральское» и т.п. Для сглаживания этой разницы за отдельные единицы принимались одинаковые сочетания «фитоним — растение», зафиксированные в разных областях /

¹ Ранее были опубликованы статьи о фитонимах, образованных от названий медведя, зайца, собаки и волка в русском и других славянских языках [Колосова 2012; 2016; 2019; 2020]. Продолжение этого ряда будет способствовать уточнению представлений о номинации растений у носителей различных диалектов, изучению образов разных животных в мифологической картине мира и их пересечению в случае номинации одних и тех же растений с помощью разных зоонимов.

губерниях или же в разных районах / уездах одной области. Напротив, если в одном и том же уезде / районе были отмечены два и более одинаковых сочетания (например, в разных деревнях), они считались за одну пару. Другими словами, географические пометы по возможности давались с точностью до уезда / района. Что касается идентификации растений, латинские названия приводились к номенклатуре, принятой в базе данных [An Online Flora], там, где это было возможно. Найденные фитонимы и их денотаты были введены в таблицу Excel для дальнейшего анализа.

Мотивации

Ряд признаков, которые теоретически могут лежать в основе отзоонимной номинации растений в славянских языках, достаточно велик: всего насчитывается не менее шестнадцати [Колосова 2014]. Фитонимы, образованные на основе ассоциации со змеей, имеют достаточно разнообразные мотивации, хотя в их ряду представлены не все возможные признаки. На номинацию могут повлиять внешний вид растения, его свойства (в том числе воображаемые) и другие факторы, которые будут рассмотрены ниже. К сожалению, из рассмотренных пар «фитоним — растение» в 50 случаях денотат определить не удалось, поэтому об их мотивации рассуждать сложно. При наличии денотата мотивацию также не всегда удается определить, однако в ряде случаев можно выдвинуть предположения¹.

Самую крупную группу образуют фитонимы, связанные с **народной медициной**. Ряд названий отражает применение от укуса змеи. Так, *змеевка*, *ужовка* 'истод обыкновенный *Polygala vulgaris* L.' употреблялась в Казанской губ. «для припарки от ужала змеи или ужа»; под названием *змеевка* известна была также зубчатка обыкновенная *Odontites vulgaris* Moench, которую применяли для той же цели [Крылов 1882: 23–24]. Этот ряд можно продолжать: *гажья трава* 'ятрышник пятнистый *Dactylorhiza maculata* (L.) Sob', «настояем моется рана от укушения змеи» (Вытегор., Пудож. Олон.) [СРНГ 1970, VI: 93]; *змеевик* 'горечавка легочная *Gentiana pneumonanthe* L.', «Змеевик — трава така, от змей применятца» (Богдан.) [Коновалова 2000: 93]; *змеиная трава* 'растение ятрышник, листья его прикладывают к змеиным укусам' (Черепов. Новг.) [СРНГ 1976, XI: 300]; *змеинец* 'мытник болотный *Pedicularis palustris* L.' (Олон.) [Анненков 1878: 244]. Растение *Veronica austriaca* subsp. *teucrium* (L.) D.A. Webb прикладывали к ранам от змеиных укусов в раз-

¹ Мы полагаем, что с уверенностью говорить о мотивации можно примерно в 90 случаях, и еще в 25 — строить гипотезы.

ных губерниях, что, скорее всего, и послужило основанием названий *змеиная трава* (Ворон., Казан., Нижег.), *змеиный укус* (Вят.), *змеиная головка* (Моск.), *змеевец*, *змеиный скус* (Перм.), *змеиный цвет* (Уфим.) [Анненков 1878: 377].

Некоторые из лекарственных трав не определены, и известно лишь их название и использование: «Змеевец есть трава, от укуса змей идет» (Соликам. Перм.) [Словарь Пермских говоров 2002, II: 328]; *змеевик*, «Применяют внутрь при укусе змеи и для припарок к укушенному месту» (Ачин. Енис.) [СРНГ 1976, XI: 298]. Такие представления отмечены уже в травниках: считалось, что травы со «змеиными» названиями, например *ужевник*, помогали от змеиного укуса: «кого уж или иная гадина укусит, весь яд выгонит из человека» [Ипполитова 2008: 101–102].

Вторая подгруппа с «медицинской» мотивацией — названия растений, переκληкающиеся с названиями болезней, которые лечили этими травами. Болезнь, о которой идет речь, называется в разных говорах *змеевец*, *змеевич*, *змеевица*, *змеевка*, *змеевник*, *змеевик*, *змейка*. Данные лексемы могут обозначать панариций (гнойное воспаление ногтей и мягких тканей конечных суставов пальцев рук и ног), воспаление надкостного слоя, флегмону, нарыв на пальце, а также кожное заболевание, вызываемое круглым червем — паразитом человека. Такие травы получили названия *змеёвник* ‘кирказон ломоносовидный *Aristolochia clematitidis* L.’, «Свежие листья употребляют как средство, способствующее ускорению нагноения» (Курск.) [СРНГ 1976, XI: 298]; *змеевец* (Вят.), *змеевик* (Волог.), *змеевица* (Арх.) ‘майник двулистный *Maianthemum bifolium* (L.) F.W. Schmidt’, «Употр. от ногтоеды» [Анненков 1878: 206–207].

Среди растений, используемых для лечения подобных заболеваний, некоторые не определены, но мотивация их названий ясна из словарных иллюстраций: «Когда руки болят, такой травой лечат. Змеевица. Листья, как осока. Внизу широка, вверху — как иголки, густо-густо, на верхушке синенький цветочек» (Соликам. Перм.); *змеевка*, «Она с листочками, как у лука или осоки, только они у нее красные, применяется от болезней пальцев» (Соликам. Перм.) [Словарь Пермских говоров 2002, II: 328]; «Змеёвка така низенька, в бору, така беленька, кружочками идет. Змеёвка от змевика» (Кемер.) [СРНГ 1976, XI: 298]; «Костеник вопьется, оттоль его надо выводить травой змеёвкой. У змеёвки два листочка и стержок посредине» (Бабушк. Волог.) [Матвеев 2009: 271]; «У змеевой листочки маленькие, на палец ее приложишь, кость — легче станет» (Тотем. Волог.) [Матвеев 2009: 271]. К сожалению, неизвестно, относятся ли все фиксации фитонима *змеёвка* к одному и тому же растению или к разным.

Противоречивая информация может встречаться в рамках словарей одного и того же региона (и даже при частичном совпадении авторского состава). Так, данные о растении *змеёва трава* во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» однозначно относятся автором к растению «горец большой, змеиный корень, сем. спорышевые (гречишные)?» [Ставшина 2008, I: 416], в то время как в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» этот же фитоним (иногда иллюстрируемый одними и теми же фразами) определяется как «лекарственное растение (вероника?)» [Ивашко 2003, I: 283]. Судя по фразе «Змеёва трава — розовы они. Когда палец болит, так его пьют, листочки снизу отходят от стебля, меленьки» [Ставшина 2008, I: 416], речь идет все-таки о змеевике (при условии, что денотат действительно всего один). Как и в рассмотренном выше случае с вероникой, это растение могло получить название либо по форме, либо по применению в народной медицине, или же в названии могли реализоваться обе мотивации.

Еще более сложные соотношения признаков растений, их использования и названий наблюдаются в группе слов *ужик* / *узик* / *ужин*. Так, подорожник ланцетолистный *Plantago lanceolata* L. получил названия *ужик* (Ворон.) и *узик* (Моск., Пск.). Эти фитонимы Н.И. Анненков считает искажениями «слова “язык”, которым названо это растение у Кондр. и у др. слав. народов» [Анненков 1878: 259]. С одной стороны, у этого растения действительно немало названий с компонентом ‘язык’ не только в русских диалектах, но и в других славянских языках; с другой — эти фитонимы могут отражать узкую, вытянутую форму листьев, заметно отличающихся от листьев подорожников большого и среднего. Форма, скорее всего, является основанием мотивации и для фитонима *узик* (Вят.) ‘касатик желтый *Iris pseudacorus* L.’, у которого еще более длинные и узкие листья; в то же время «корень прежде употребл. в поносах» [Анненков 1878: 178]; это позволяет объединить мотивацию по форме с мотивацией по использованию в медицине.

По всей вероятности, от слова *узкий* образованы названия растений, используемых в народной медицине для «суживания», т.е. от поноса и кровотечений: *узик*, *завязный корень* (Дон.), *лапчатка-узик* (Волог.) ‘лапчатка прямая *Potentilla tormentilla* Schrenk.’ [СРНГ 1972, IX: 348–349; 2014, XLVII: 24; Большой толковый словарь 2003: 541]; *узик*, *белый узик* (Волог.) и *сузик* (Тамб.) ‘тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L.’ [Анненков 1878: 5; СРНГ 2014, XLVII: 24]; *узик* (Уфим.), *ужик* (Уфим.), *завязный корень* (Моск., Арх.) ‘змеевик большой *Persicaria bistorta* (L.) Samp.’ [Анненков 1878: 264; СРНГ 2013, XLVI: 335]. Возможно, к последнему растению

относится и фитоним *ужик* ‘растение змеевик [?]’ (Яроsl.) [СРНГ 2013, XLVI: 335].

Целый ряд схожих фитонимов — *ужин*, *ужин-трава* и *ужинь* — зафиксирован в Калужской губернии [Анненков 1878: 324; СРНГ 2013, XLVI: 340], однако лишь один из них имеет идентификацию: «заячья капуста» ‘очиток обыкновенный *Sedum telephium* L.’. В таком случае мы можем предположить, что и оставшиеся фиксации также относятся к этому растению, тем более что еще три фиксации слова *узик* (не имеющие географических помет) однозначно относятся авторами словарей к очитку обыкновенному либо же другому виду этого же рода [Анненков 1878: 324; СРНГ 2013, XLVI: 24]. Это дает нам основание предполагать, что форма *ужин* является искажением. Наконец, последняя фиксация слова *узик* (Олон.) имеет очень общее толкование ‘трава водяная’ и отсылку к слову *ужик* в этом же словаре [Куликовский 1898: 123, 124].

В случаях, когда фитонимы подвергаются искажению, а денотат не всегда известен, трудно однозначно говорить о той или иной мотивации. Предположим все же, что фитонимы типа *ужовка/и*, *ужовник*, *ужиное молоко* однозначно связаны с ужом; что касается названий *ужик* и *узик*, то они скорее образованы от слова *уж*, если обозначают горец змеиный, а от слова *узкий* — если относятся к растениям с узкими листьями и растениям, которые употреблялись в народной медицине от диареи.

Вторая по численности группа — мотивация по **форме** — является наиболее интересной и разнообразной, причем значение имеет форма разных органов растения. Так, фитонимы *змеевик* (Моск., Твер., Вят.), *змеинник*, *змеинничник* (Вят.), *корень змеиный* (б.м.) [Анненков 1878: 264] относятся к растению змеевик большой, или горец змеиный *Persicaria bistorta* (L.) Samp., по форме змеевидно изогнутого корня. На основании этих данных можно отнести к мотивации по форме и названия этого же растения из других источников, не содержащих пояснений: *змеевик* (Урал) [Малеча 2002, II: 98], *змеиная трава* (Морд.) [Семенкова 2013, I: 352], *змеинница* (Вельск. Арх.) [Матвеев 2009: 271], *змеинничек* (Вят.), *змеевик корень* (б.м.) [СРНГ 1976, XI: 298].

Пять названий (*гадовник* — две фиксации, *гажевник* и *гажьа трава* — две фиксации) касаются папоротников. При этом лишь одно — *гажьа трава* (Дон.) — относится к конкретному виду орляка обыкновенный *Pteridium aquilinum* (L.) Kuhn [СРНГ 2014, XLVII: 24]. По этой причине сложно выдвигать гипотезы о мотивации, однако в отношении орляка можно предположить, что основанием является форма вайи — длинных и узких, на ранних стадиях развития свернутых в спираль. К тому же

папоротники растут в тенистом подлеске, где высок риск натолкнуться на змею.

Очевидно, по общей форме названы растения *змейка* ‘?’, «Тянется по земле, цвет бел... аще где играют скоморохи, подкинь... под ноги, и все... передерутся» (Сарат.) [СРНГ 1976, XI: 301], и *змейка* ‘травянистое растение (какое?)’, «змейка узкая да длинная трава» (Сокол. Волог.) [Матвеев 2009: 271]. Причиной возникновения названий *змеёвые головки* (Вят.) ‘истод обыкновенный *Polygala vulgaris* L.’ и *змеиная головка* ‘вероника широколистная *Veronica austriaca* subsp. *teucrium* (L.) D.A. Webb’ (Моск.) [Анненков 1878: 262, 377], скорее всего, послужила форма соцветий. Однако фитоним *змееголовник* ‘змееголовник поникающий *Dracosephalum nutans* L.’ (Шегар. Том.) [Арьянова 2006, I: 95], ‘змееголовник Рюйша *Dracosephalum ruyschiana* L.’ (Камышл., Шалинск. Свердлов.) [Коновалова 2000: 93] может в равной степени оказаться как калькой с латинского родового названия (посредством русского номенклатурного), так и самостоятельным образованием: «Змееголовник, может, потому что листья по земле стелются, а цветок на длинном тонком стебле качается, как змея?» [Коновалова 2000: 93].

Двенадцать названий (как с определенным денотатом, так и без него) относятся к водяным либо прибрежным растениям. Среди них *гажла*, *гажли*, *кажняк* камыш озерный *Schoenoplectus lacustris* (L.) Palla (Карел.) [Герд 1994, I: 323]; *ужевник* ‘вид растения’ «Ужевник растёт по пучинам, с трём листочкам, лапистая» (Опечен. Новг.) [Клевцова, Петрова 2010: 1224]; *ужинь* (Калуж.); «Болотное и луговое растение, лист капустный, а цвет белый; ее жуют от цинги и зубной боли» [СРНГ 2013, XLVI: 340] и др. Можно предположить, что в данном случае имеет место мотивация по *локусу* обитания растения — заболоченным территориям — совпадающему с местами обитания змей¹.

Зоонимы, особенно названия диких животных, нередки в номинации **ядовитых** или несъедобных для человека растений. Логично было бы ожидать, что среди «змеиных» растений эта номинация будет ведущей. Тем не менее в наших материалах нашлось лишь восемь пар «растение — фитоним», относящихся к ядовитым растениям. Две из них относятся к миконимам — *гадючьи грибы* с ожидаемым толкованием ‘несъедобные грибы’ и *змеиный гриб* (Дон) ‘несъедобный, поганка’; одно (неизвестное) растение имеет определение «вьющаяся светло-коричневая ядовитая трава» (Дон) (возможно сочетание номинаций по

¹ Следует оговориться, что место обитания дикоросов, отличное от культурного пространства, может служить «фоновой мотивацией» не только для «змеиных» фитонимов, но и для других отзоонимных названий растений.

ядовитости, форме и цвету) [Большой толковый словарь 2003: 101, 191]. Еще два растения — кирказон и мытник, хотя и являются ядовитыми, получили «змеиные» названия, скорее всего, по другой причине (см. выше). Два фитонима с не вполне ясными определениями — *гадючник* ‘растение волчьих ягоды’ (Одесск.) [Уэмура 2000, I: 118] и *змеиные ягоды* ‘растение волчьего лыка с красными несъедобными ягодами’ (Онеж. Арх.) [Матвеев 2009: 271] — с высокой степенью вероятности относятся к волчегоднику обыкновенному *Daphne mezereum* L. Наконец, фитоним *ужовка* (Пск.) относится к лютику жгучему *Ranunculus flammula* L. [Анненков 1878: 291]; мотивация установлена предположительно, так как словарной иллюстрации в источнике нет¹.

В рамках мотивации по *цвету* можно предположительно выделить группу растений, которые связываются со змеей по признаку пестроты. Это фитонимы *змеиная трава*, *змеица* (Дон.) ‘трясунка средняя *Briza media* L.’ [СРНГ 1976, XI: 300; Большой толковый словарь 2003: 191] и *гажья трава* (Олон.), *змеевик* (Тамб.) ‘ятрышник пятнистый *Dactylorhiza maculata* (L.) Soó’ [Анненков 1878: 233]. Эксплицитных указаний на эту мотивацию в источниках не содержится, однако интересным представляется то, что оба названных растения также имеют названия *кукушкины слезки* именно по признаку пестроты (подробно об этом см.: [Мороз 1997: 33; Колосова 2009: 253–259]; также известно, что пестрота воспринимается как постоянное свойство змеи на уровне балто-славянского языкового единства [Невская 1986: 152]. Можно также высказать осторожное предположение, что лютик жгучий *Ranunculus flammula* L. получил название *ужовка* [Анненков 1878: 291] по сходству ярко-желтых лепестков с желтыми пятнами на задней части головы ужа².

Сок. У некоторых растений на сломе стебля выделяется белый млечный сок. Этот признак отражен в фитониме *гадючье молоко* ‘растение, молочай’ (Одесск.) [Уэмура 2001, I: 118]. Еще три названия — *гадючье молоко*, *змеиный цветок* (Дон) [Большой толковый словарь 2003: 101, 191] и *ужиное молоко* (Сакмар. Оренб.) [Моисеев 2010: 171] — относятся к одуванчику лекарственному *Taraxacum officinale* (L.) Webb ex F.H. Wigg. Мотивация подтверждается цитатой: «Разорвишь стебель — сачица малако гадючье, ано для гадюки» (Дон) [Большой толковый словарь 2003: 101].

¹ Для сравнения отметим, что среди «волчьих» растений, например, нашлось 223 названия с мотивацией по ядовитости, что составило 78 % от всех рассмотренных «волчьих» названий [Колосова 2020].

² Среди «змеиных» велико количество растений с синими цветами. Однако представлений о том, что синий цвет связан со змеей, не отмечено.

В составных фитонимах вторая часть в некоторых случаях представляет собой название какой-либо сельскохозяйственной культуры, которой и противопоставляется ее «змеиный» аналог. Таких фитонимов в нашем материале всего три: *змеиный лук* ‘дикий чеснок *Allium* sp.’, «Змяиный лук растеть, как лук, он чиснаком пахнуть, а галофка у ниво в зимле» (Дон.) [Большой толковый словарь 2003: 269]; *змеиные огурцы* ‘вид растения, каперцы *Capparis spinosa* L.’, «Сверху яра спускались растения, похожие листьями на наши вьюны. Это, по всей вероятности, дикорастущие “змеиные огурцы” (вероятно, коробочки семян каперцев)» (Урал.) [Малеча 2002, II: 98]; *гадючий виноград* ‘?’, «Гадючий винаград жолтыми сирётками цвितеть» (Одесск.) [Уэмура 2000, I: 118]. В случае *змеиного лука* можно предполагать номинацию по сниженной пищевой ценности (как бы ненастоящий лук). Сведений об употреблении диких каперсов в пищу уральскими казаками у нас нет, поэтому здесь можно предполагать скорее сочетание номинации по форме и несъедобности. Гораздо чаще встречаются фитонимы типа *змеиная / гажья трава* (39), *змеиный корень* (4), *змеиный цвет(ок)* (4). Можно предположить, что змея, как абсолютно чуждое существо, мало ассоциировалась с культурными растениями, тяготея к диким.

Для понимания мотивации некоторых названий необходимо обратиться к *фольклору*. Так, существует поверье (вероятно, часть этиологической легенды), что у *змёевой травы* (вероника аптечная *Veronica officinalis* L.) «змея откусила верхушку» (Иркут.) [СРНГ 1976, XI: 298]. В Пермской губ. вероника широколистная *Veronica austriaca* subsp. *teucrium* (L.) D.A. Webb называлась *змеиный скус* по форме наземной части — «цветочная кисть вероники выходит сбоку и вырастает выше стебля, который кажется как бы скушенным» [Демич 1899: 1169]. Прочие названия этого растения — *змеевец*, *змеиный скус* (Перм.), *змеиная головка* (Моск.), *змеиная трава* (Ворон., Нижегород., Казан.), *змеиный укус* (Вят.), *змеиный цвет* (Уфим.) [Анненков 1878: 377]. Возможно, по той же логике целый ряд «змеиных» названий получили вероника длиннолистная *Veronica longifolia* L. — *гадючник* (Яшк. Кемер.), *змеиная трава* (Пенз., Нижег.), *змейка* (Моск.) — и вероника колосистая *Veronica spicata* L. — *змеева трава* (Самар.), *змеевец* (Перм.), *змеиная трава*, *змеинка* (Сарат.), *змеинец* (Орл.) [Анненков 1878: 377, 378; СРНГ 1976, XI: 299, 301; Арьянова 2006, I: 49]. Отметим, что вероника уже упоминалась в связи с мотивацией по медицинскому применению. Данный случай можно рассматривать либо как двойную мотивацию, либо как осмысление формы растения с дальнейшим его использованием в медицине с опорой на название.

Жгучесть. Характерное название *змеиное жало* получила крапива жгучая *Urtica urens* L. (Верхне-Кет. Том.) [СРНГ 1976, XI: 300].

На диаграмме (рис. 1 на цветной вклейке) показаны пропорции мотиваций, выявленных для «змеиных» названий по их популярности. Учтены мотивации, послужившие основанием номинации для более чем трех фитонимов. При этом почти все мотивации встречаются у фитонимов, образованных от слов *змея*, *гад* и *уж*. Лишь мотивация по жгучести специфична для первой группы, а фольклорные мотивы отражены в первой и второй.

Фитонимы

Всего на 176 зафиксированных пар с учетом повторов приходится 71 «змеиный» фитоним. Их частотность значительно различается. Большинство зафиксировано лишь один или два раза, как, например, *гадья трава*, *гадючья лебеда*, *змеёвы головки* или *ужовник*, но есть и более частотные. Значительно чаще других встречается композит *змеиная трава* — 16 раз, а если объединить его с близкой формой *змеева трава*, общее число достигнет 28. На втором месте находится фитоним *змеевка* — он встретился 13 раз. На третьем месте — *змеевик*, отмеченный 12 раз. Далее в порядке убывания идут фитонимы *узик* (10 раз), *гажья трава* (7), *змеевец* и *ужик* (6), *гажла* и *змейка* (5), *змеевник*, *змееголовник* и *ужовка* (4) и, наконец, *гажья тертеха* (3). Также встретились сорок три единичных фитонима; тринадцать фитонимов были отмечены дважды. Количество фитонимов показано на рисунке 2 на цветной вклейке (учтены только названия, встретившиеся три и более раз).

В исторической перспективе подобных названий известно заметно меньше, чем в нашей выборке. Так, фитонимическая база данных XI–XVIII вв. *PhytoLex* [*PhytoLex*] содержит следующие фитонимы: *змеина жила*, *змеиной языкъ*, *змеиный / зминой корень*, *змеёвникъ*, *змиевецъ*, *змиевикъ*, *змиевка*, *змиевникъ*, *змиевъ камень*, *змиевъ слѣдъ*, *змиедушникъ*, *змиець*, *ужовникъ*, *узикъ*, *цвѣтъ ужовничий*, из которых идентифицировано чуть больше половины. Пересекаются с рассмотренными выше материалами только пять — *змеиный корень*, *змеёвникъ*, *змиевикъ*, *змиевникъ* и *узикъ*. Если же сравнить не только фитонимы, но и растения, ими обозначаемые, то окажется, что проследить на сколь угодно значимую глубину можно названия лишь двух из них — *змеевика* большого (до 1738 г.) и *тысячелистника* (до 1625 г.) [*PhytoLex*] (подробнее см.: [Колосова, Коваленко 2023]).

Растения

Для понимания мифологической картины мира носителей русских диалектов важно выделить растения, которые чаще других

ассоциировались со змеей. Самое большое число сочетаний — 20 — отмечено для растения змеевик большой (он же горец змеиный, раковые шейки или змеиный корень) *Persicaria bistorta* (L.) Samp. На втором месте располагается вероника широколистная *Veronica austriaca* subsp. *teucrium* (L.) D.A. Webb, для которой записано 10 фитонимов. Далее следуют пальчатокоренник пятнистый *Dactylorhiza maculata* (L.) Sob, камыш озерный *Schoenoplectus lacustris* (L.) Palla, вероника колосистая *Veronica spicata* L. и вероника длиннолистная *Veronica longifolia* L. (шесть, пять, пять и четыре названия соответственно). Наконец, семь растений — трясунка средняя *Briza media* L., хвощ полевой *Equisetum arvense* L., майник двулистный *Maianthemum bifolium* (L.) F.W. Schmidt, подорожник ланцетолистный *Plantago lanceolata* L., лапчатка прямостоячая *Potentilla erecta* (L.) Raeusch., очиток обыкновенный *Sedum telephium* L., одуванчик лекарственный *Taraxacum officinale* (L.) Webb ex F.H. Wigg. — имеют по три фиксации «змеиных» фитонимов. Доля этих растений показана на рисунке 3 на цветной вклейке (учитывались только растения, для которых отмечено три и более «змеиных» названий). В пяти случаях фитоним относился к какому-либо папоротнику. Однако, поскольку растение было определено с точностью до вида лишь в одном случае, в диаграмму эти данные не включены.

* * *

Итак, на основании проанализированных диалектных фитонимов, образованных от названий змеи, можно сделать следующие выводы.

Основная роль в номинации рассмотренных растений принадлежит их свойствам и внешним признакам, которые ассоциируются с данным животным и соответственно мотивируют возникновение метафорического наименования-фитонима, причем в этом процессе могут играть роль два и более признака. На номинацию растений влияют не только отношения «признак растения» > «название растения» — эта причинно-следственная связь иногда дополняется связями внутри языка. «Змеиные» названия даются исключительно диким растениям, причем чаще всего не ядовитым или жалящим — преобладают номинации по форме и использованию в народной медицине. Самым частотным фитонимом является композит *змеиная / змеева трава*; чаще всего «змеиные» названия получал змеевик большой *Persicaria bistorta* (L.) Samp.

Фитонимы исследованной группы не дают возможности сделать какие-либо лингвогеографические наблюдения. Можно лишь отметить, что названия с корнем *змей-* зафиксированы везде, в то время как слова с корнем *гад-* / *гаж-* тяготеют к Русскому Северу и донским говорам.

Использование единой базы официальных латинских фитонимов позволяет снять разночтения в латинских названиях и понять, когда за разными номенклатурными наименованиями кроется одно и то же растение, — это первый и необходимый шаг при анализе фитонимов и их мотиваций.

Рассмотрение фитонимов, относящихся к одному и тому же растению (или близким видам) в разных говорах, помогает определить мотивацию в спорных случаях. Так, сложно понять, на каком основании одуванчик получил название *змеиный цветок*, если не сопоставить его с фитонимами *ужиное молоко* и *гадючье молоко*, что приводит к выводу о мотивации по выделению млечного сока на сломе растения. Отдельные наблюдения в сочетании с комплексным подходом к рассмотрению фитонимов для не идентифицированных растений (параллели в мотивациях, описаниях растений) позволяют выдвинуть предположения относительно их денотатов, что было бы затруднительно сделать при анализе, например, лексико-семантической группы «Растения» одного конкретного говора.

Необходимые для такого комплексного подхода сведения о диалектных фитонимах разбросаны по региональным диалектным словарям. Их ввод в единую базу данных позволит значительно упростить и ускорить компаративные, диахронические и лингвогеографические исследования фитонимического фонда русского языка.

Благодарности

Статья написана в рамках плановой темы ИЛИ РАН «Русская сводная диалектная лексикография и лингвогеографические исследования Европейской части РФ».

Список сокращений

СРНГ — Словарь русских народных говоров

Источники

Анненков Н.И. Ботанический словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. 670 с.

Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья: В 3 т. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2008.

Большой толковый словарь донского казачества. М.: АСТ, 2003. 608 с.

Герд А.С. (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

Демич В.Ф. Легенды и поверья в русской народной медицине // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1899. № 9. С. 1151–1181; № 10. С. 1240–1267.

- Ивашко Л.А.* (ред.). Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005.
- Клевцова А.В., Петрова Л.Я.* (ред.). Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.
- Коновалова Н.И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург: Б.и., 2000. 235 с.
- Крылов П.* Некоторые сведения о народных лекарственных средствах, употребляемых в Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1882. Т. 11. Вып. 4. С. 1–77.
- Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898. VII+151 с.
- Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4 т. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.
- Матвеев А.К.* (ред.). Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 4. 358 с.
- Моисеев Б.А.* Оренбургский областной словарь. Оренбург: ОГПУ, 2010. 192 с.
- Семенкова Р.В.* (ред.). Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: В 2 ч. СПб.: Наука, 2013. 1560 с.
- Словарь Пермских говоров: В 2 т. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
- Словарь русских народных говоров. Т. 1–. М.; Л. / СПб., 1965–
- Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 278 с.
- Словарь тамбовских говоров (растительный, животный мир, ландшафт, метеорология). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 184 с.
- Ставшина Н.А.* (сост.). Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2 т. Сыктывкар: Б.и., 2008.
- Уэмура С.* (отв. ред.). Словарь русских говоров Одесщины: В 2 т. Одесса: Астропринт, 2000.
- An Online Flora of All Known Plants database. <<http://www.worldfloraonline.org/>>.
- PhytoLex: Этноботаническая база данных PhytoLex. <<https://phytolex.iling.spb.ru/>>.

Библиография

- Дубровина С.Ю.* Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.
- Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008. 508 с.
- Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
- Колосова В.Б.* «Медвежьи» растения в русских говорах // Русская речь. 2012. № 5. С. 94–97.

- Колосова В.Б. Мотивации славянских названий растений, образованных от зоонимов // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 77–84.
- Колосова В.Б. «Заячьи» травы в народной ботанике славян // Славянский альманах. 2016. № 3–4. М.: Индрик, 2016. С. 321–335.
- Колосова В.Б. Русские диалектные названия растений с компонентом ‘собака’ // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2019. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 371–384.
- Колосова В.Б. «Волчьи» растения в русских говорах: материалы к словарю русских диалектных фитонимов // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2020. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 325–336.
- Колосова В.Б., Коваленко К.И. Этноботаническая база данных PhytoLex // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. № 3. С. 152–153.
- Мороз А.Б. «Боговы слезы» и «Кукушкины слезки» // Живая старина. 1997. № 1. С. 33.
- Невская Л.Г. К семантике пестрого в балто-славянском // Варбот Ж.Ж., Гиндин Л.А., Климов Г.А., Меркулова В.А., Топоров В.Н., Трубачев О.Н. (ред.). Этимология. 1984. М.: Наука, 1986. С. 150–156.

“Snake” Plants in Russian Dialects

Valeria Kolosova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia

chakra@eu.spb.ru

The article observes a group of Russian dialect phytonyms formed from the words meaning ‘snake’, ‘grass snake’, and ‘viper’. Its purpose is to analyse the motivational features of the plants and determine the plants most often associated with snakes and the most frequent phytonyms. The lexemes for the analysis were taken from Russian dialect dictionaries and specialised phytonymic dictionaries. The unit of analysis is the “phytonym — plant” pair (176 pairs in total). Where possible, the geographical tags were given at the uezd / district level. Latin scientific names are reduced to a single nomenclature.

The most common plant features from which the names are derived are: use in folk medicine, shape of the plant’s organs, the plant’s habitat, its toxicity, and its colour. A small number of phytonyms are explained by folkloric texts. Among the phytonyms, the composite *zmeinaia* / *zmeeva trava* is the most common; *zmeevka* and *zmeevik* are the next. Common bistort, broadleaf speedwell,

heath spotted-orchid, and lakeshore bulrush are most often associated with the snake.

The article argues the advantages of a comprehensive phytonym analysis. It allows developing hypotheses about plant identification. The article contains three diagrams: “Plants nomination bases”, “The most frequent phytonyms” and “Plants”.

Keywords: ethnobotany, ethnolinguistics, phytonyms, Russian dialects, dialectology, motivation, plant feature, snake.

Acknowledgments

The article was written within the framework of the planned theme of the ILS RAS “Russian summary dialect lexicography and linguogeographical studies of the European part of the Russian Federation.”

References

- Dubrovina S. Yu., *Russkaya botanicheskaya terminologiya v etnolingvisticheskom osveshchenii (na materiale nazvaniy rasteniy, obrazovannykh ot nazvaniy zhivotnykh i ptits)* [Russian Botanic Terminology in Ethnolinguistic Light (Based on Plants’ Names Derived from Animals’ and Birds’ Names)]: An abstract of candidate’s thesis. Moscow, 1991. 23 pp. (In Russian).
- Ippolitova A. B., *Russkie rukopisnye travniki XVII–XVIII vekov: issledovanie folklora i etnobotaniki* [Russian Manuscript Herbal Books of the 17th–18th Centuries: Research of Folklore and Ethnobotany]. Moscow: Indrik, 2008, 508 pp. (In Russian).
- Kolosova V. B., *Leksika i simbolika slavianskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Lexis and Symbolism of the Slavonic Folk Botany. Ethnolinguistic Aspect]. Moscow: Indrik, 2009, 352 pp. (In Russian).
- Kolosova V. B., “Medvezhyi” rasteniya v russkikh govorakh’ [Plants Related to Bears in the Russian Dialects], *Russkaya rech*, 2012, no. 5, pp. 94–97. (In Russian).
- Kolosova V. B., ‘Motivatsii slavyanskikh nazvaniy rasteniy, obrazovannykh ot zoonimov’ [Motivations of Slavonic Plant Names, Derived from Zoonyms], *Traditsionnaya kultura*, 2014, no. 3, pp. 77–84. (In Russian).
- Kolosova V. B., “Zayachyi” travy v narodnoy botanike slavyan’ [Herbs Related to Hares in the Folk Botany of the Slavs], *Slavyanskiy almanakh*, 2016, no. 3–4, pp. 321–335. (In Russian).
- Kolosova V. B., ‘Russkie dialektnye nazvaniya rasteniy s komponentom “sobaka”’ [Russian Dialectal Plant Names with a Component ‘dog’], *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2019* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: Materials and Research 2019]. St Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS Press, 2019, pp. 371–384. (In Russian).
- Kolosova V. B., ‘Volchyi rasteniya v russkikh govorakh: materialy k slovari russkikh dialektnykh fitonimov’ [Herbs Related to Wolves in Russian

- Dialects], *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2020* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: Materials and Research 2020]. St Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS Press, 2020, pp. 325–336. (In Russian).
- Kolosova V. B., Kovalenko K. I., ‘Etnobotanicheskaia baza dannyx PhytoLex’ [Ethnobotanical Database PhytoLex], *Istoriko-geograficheskij zhurnal*, 2023, no. 3, pp. 152–153. (In Russian).
- Moroz A. B., “Bogovy slyozy” i “Kukushkiny slyozki” [“God’s Tears” and “Cuckoo Tears”], *Zhivaya starina*, 1997, no. 1, p. 33. (In Russian).
- Nevskaya L. G., ‘K semantike pestrogo v balto-slavianskom’ [Towards the Semantics of Variegated in Balto-Slavic], *Varbot Zh. Zh.*, Gindina L. A., Klimova G. A., Merkulova V. A., Toporov V. N., Trubachev O. N. (eds.). *Etimologiya. 1984* [Etymology. 1984]. Moscow: Nauka, 1986, pp. 150–156. (In Russian).

Иллюстрации к статье Валерии Колосовой

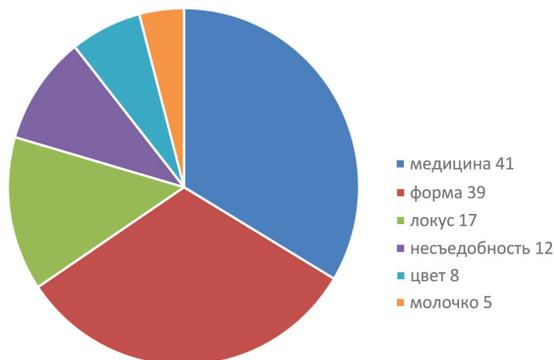

Рис. 1. Основания номинации «змеиных» растений

Рис. 2. Наиболее частотные фитонимы

Рис. 3. Растения, чаще других получавшие «змеиные» названия